

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 16, Is. 1, pp. 39–63, 2024
 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-39-63

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-39-63

Духовенство калмыков-казаков Дона во второй половине XIX – начале XX вв.

*Константин Николаевич Максимов*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Максимов К. Н., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье раскрываются вопросы организации службы буддийского духовенства на Дону во второй половине XIX в., осуществленные в период реформы административно-территориального управления Калмыцким кочевьем. В этом смысле данная публикация является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем году в третьем номере научного журнала «Монголоведение». *Цель* статьи — показать общественно-полезную деятельность буддийского духовенства, введение его в административную систему управления области Войска Донского, роль в развитии образования, полном, окончательном переходе донских калмыков к оседлой жизни и хозяйствованию. *Результаты.* Крупная реформа поземельного устройства в Калмыцком кочевье и службы буддийского духовенства с изменением статуса его главного иерарха произошла в 1870-х гг. Буддийское духовенство в годы войны, социальных потрясений вместе со своим народом испытало их последствия.

Ключевые слова: Россия, император, область Войска Донского, наказный атаман, Управление иррегулярных войск, реформа, Калмыцкое правление, судья, буддийское духовенство, бакша донских калмыков, хурул, революция, гражданская война, советская власть

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Автор выражает благодарность директору Государственного архива Ростовской области Н. А. Трапшу за содействие в выявлении, широком сборе архивных материалов о донских калмыках и их переводе в электронный формат, а также научным сотрудникам Калмыцкого научного центра РАН М. Д. Каруевой и В. Н. Воробьевой, осуществившим оцифровку выявленных материалов.

Для цитирования: Максимов К. Н. Духовенство калмыков-казаков Дона во второй половине XIX – начале XX вв. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 39–63. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-39-63

Clerics of Don Kalmyk Cossacks in the Second Half of the XIX – early XX Centuries

Konstantin N. Maksimov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000, Elista Russian Federation)
Dr. Sc. (Histoty), Professor, Chief Research Associate
 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Maksimov K. N., 2024

Abstract. Introduction. The article reveals the issues of the organization of the service of the Buddhist clergy on the Don in the second half of the 19th century, implemented during the reform of the administrative and territorial administration of the Kalmyk nomad. In this sense, this article is a continuation of the article published in the previous year in the 3rd issue of the scientific journal “Mongolian Studies”. The *purpose* of the article is to show the socially useful activities of the Buddhist clergy, its introduction into the administrative management system of the Don Army region, its role in the development of education, the complete, final transition of the Don Kalmyks to a settled life and management. **Results.** A major reform of the land system in the Kalmyk nomad and the service of the Buddhist clergy with a change in the status of its main hierarch occurred in the 1870s. The Buddhist clergy experienced its consequences during the war and social upheavals together with its people.

Keywords: Russia, Emperor, Don Host, Nakazny Ataman of the Host, Chief Directorate of Irregular Forces, reform, Kalmyk Directorate, judge, Buddhist clergy, baksha of the Don Kalmyks, hurul, revolution, civil war, Soviet power

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”. The author extends gratitude to N. Trapsh, Director of the State Archive of Rostov Oblast, for his heartiest assistance in identifying, compiling, and digitizing archival materials dealing with Don Kalmyks. Special thanks are expressed to M. Karueva and V. Vorobyova, research associates of KalmSC RAS, for their months-long digitization efforts.

For citation: Maksimov K. N. Clerics of Don Kalmyk Cossacks in the Second Half of the 19th – early 20th centuries. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024; 16(1): 39–63. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-39-63

1. Введение

Администрация Войска Донского уделяла пристальное внимание буддийскому духовенству и организации религиозной службы донских калмыков. Это объяснялось тем, что высшие иерархи священнослужителей являлись почитаемыми, уважаемыми донскими властями, калмыцким населением, активными общественными деятелями, участвовавшими в управлении калмыцким обществом, а самое главное — религия, служители духовенства имели огромное значение в деле духовного, нравственного воспитания населения на исторически сложившихся религиозно-культурных традициях. Поэтому вполне правомерно донская администрация, учитывая значение и роль буддийского духовенства в калмыцком обществе, целенаправленно вводила его в единую административную систему донского управления.

История становления и развития службы буддийского духовенства у донских калмыков в связи с религиозной политикой администрации Войска Донского в XVIII – первой половине XIX вв. рассмотрены нами в статье, опубликованной в журнале «Монголоведение» за 2023 г. [Максимов 2023]. Временные рамки статьи охватывали период от введения калмыков в казачье военное сословие и до 1840-х гг., когда была проведена одна из крупных реформ системы богослужебных буддийских учреждений (хурулов) и иерархии духовных служителей.

В настоящей статье освещается общественно-полезная деятельность буддийского духовенства, введение его в административную систему управления области Войска Донского, роль в развитии образования, полном, окончательном переходе донских калмыков к оседлой жизни и хозяйствованию на материалах, датированных второй половиной XIX – началом XX вв.

В начале XX в., в годы социальных потрясений, донское буддийское духовенство не осталось безучастным. В результате победы советской власти калмыцкие священнослужители прекратили свою деятельность и хурул потерял свое значение как общественный институт.

2. Материалы исследования

Основной источниковой базой статьи явились документальные материалы, отложившиеся в фондах Калмыцкого правления (фонд 309), Атаманской канцелярии Войска Донского (фонд 46), Статистического комитета области Войска Донского (фонд 353) Государственного архива Ростовской области. Выявленные различные по происхождению, содержанию и видам исторические источники по данной теме впервые вводятся в научный оборот. В них имеются сведения о подготовке и проведении крупной реформы службы буддийского духовенства в 1870-х гг. на Дону, об общественной деятельности бакши донских калмыков. При написании статьи использованы и опубликованные источники в документальных сборниках, а также периодическая печать того времени («Епархиальные ведомости»).

Историография исследуемой темы фактически отсутствует. Только в брошюре А. Борманджинова и книге «Зюнгарцы» даны фрагментарные сведения об отдельных бакшах донских калмыков [Борманджинов 1997; Зюнгарцы 2021].

При исследовании данной темы с целью получения научно обоснованной, достоверной картины автор руководствовался, прежде всего, принципами историзма, объективности при изложении фактов, событий, при их анализе. Системный подход позволил рассмотреть изучаемую проблему как совокупность фактов и явлений в их взаимодействии и развитии в общен историческом донском пространстве. При изучении, обобщении религиозной, общественной деятельности буддийского духовенства методологическим ориентиром служили общечеловеческие ценности.

3. Общественная и благотворительная деятельность буддийского духовенства

В штат органа местного управления — Калмыцкого правления первой административно-территориальной единицы Земли войска Донского (Калмыцкого округа) — по «Положению об управлении Войском Донским» (от 26 мая 1835 г.) включался выборный наряду от граждан и представитель от духовенства.

В соответствии с новым Положением в штат Калмыцкого правления входили: Судья (председатель), два заседателя (помощники Судьи), назначаемые атаманом Войска Донского из чинов офицерского состава, два депутата, избираемые выборщиками от граждан и духовенства, служащие канцелярии, назначаемые правлением. В 1836 г. впервые были избраны депутатами Калмыцкого правления: от духовенства — гелюнг хурула 2-й сотни Среднего улуса Бальзан Аршинов, от граждан — урядник Иринцын Афанасьев из Верхнего улуса [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 68. Л. 1, 3, 5; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 426. Л. 1–1об.; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 656. Л. 3]. Избранные гелюнги и представители от граждан принимали активное участие в заседаниях правления, в подготовке вопросов к рассмотрению по общественно-хозяйственным, культурным делам, приеме населения и разрешению их проблем.

Духовенство донского калмыцкого населения активно занималось благотворительностью не только в своих сотнях, станицах, округе (строительство школ, хурулов, помощь бедным, семьям раненых, погибших на войне и т. д.), но и в мероприятиях государственного, областного уровня. В период Крымской войны Министерство внутренних дел с соизволения государя императора Александра II 25 апреля 1855 г. разослало циркуляр об открытии добровольных пожертвований защитникам Севастополя. Накануне получения этого циркуляра гелюнги хурулов сотен улусов Калмыцкого округа привели к присяге калмыков-казаков от 12 лет и старше на верность государю императору Александру II, вступившему на престол 18 февраля 1855 г. В циркуляре МВД отмечалось, что герои-защитники Севастополя, стоявшие несокрушимым оплотом против врагов России, своей беспримерной храбростью, стойкостью и самоотвержением снискали себе благодарное удивление всех истинных сынов Отечества. В документе говорилось, что по высочайшей воле государя императора открывается случай выразить благодарность подвигом благотворения [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 27. Л. 49–54, 56–93].

Наказный атаман, выступая 18 июня 1855 г. на заседании Войскового правления, отмечал, что «предмет сего пожертвования столь близок каждому русскому сердцу, что без сомнения он найдет в Войске Донском всеобщее сочувствие и достойные жертвы в пользу бессмертных защитников Севастополя» [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 27. Л. 56–93].

В этот благотворительный фонд одним из первых 30 августа внес пожертвование в сумме 200 руб. от духовенства Калмыцкого округа бакша донских калмыков Джембо Ганджинов. Калмыцкое население округа внесло в фонд защитников Севастополя 627 руб. 62 коп. серебром. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 27. Л. 154].

Еще накануне этого события, в начале 1854 г., через Миусский и Черкасский округа Земли Войска Донского должно было проследовать на Крымский театр войны более чем 30-тысячное российское войско. В связи с этим наказный атаман М. Г. Хомутов обратился к дворянству и всему населению Дона оказать проходящему войску всеобщее внимание и помощь в обеспечении продовольствием и транспортом. В фонд пожертвований войску, направлявшемуся на сражение с неприятелем, калмыки-казаки поставили 90 голов крупного рогатого скота и 240 овец, внесли 230 руб. серебром, из них 100 руб. только духовенство Калмыцкого округа [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2351. Л. 1, 5, 23; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2546. Л. 1–1об.].

Калмыцкое духовенство на Дону относилось к весьма богатому сословию. В 1850-х гг. в число 975 донских крупных коннозаводчиков входили 350 калмыцких скотоводов. Из 161 духовного лица калмыцких хурулов нанимали табунщиков (от 3 до 5 и более) свыше 50 человек (бакши донских калмыков, более 30 гелюнггов и 20 гецулей, манджиков). Одним из богатых калмыков, наряду с бакшами (Дамбой Чулуновым, Аркадом Чубановым, Менке Борманжиновым и др.), являлся гелюнг хурула 1-й сотни Среднего улуса Джамбо Харьков, имевший более тысячи лошадей и столько же крупного рогатого скота, овец, два зимовника с водяными ставками и базами [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1030. Л. 6; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2342. Л. 33, 34; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2558. Л. 16, 17].

4. Подготовка реформы территориально-поземельного устройства, службы буддийского духовенства

Статистический комитет области Войска Донского, готовясь к проведению административной и территориальной реформы, уточнил и расписал, охарактеризовав местность, население, все населенные пункты Земли Войска Донского, в том числе и Калмыцкого округа. Правление его находилось весьма отдаленно от улусов — в слободе Ильинской 2-го Донского округа. В административно-территориальном отношении Калмыцкое кочевье по-прежнему состояло из 3 улусов (станций), разделенных на 13 сотен, приравненных по положению с волостями. Статкомитет на основании сведений, представленных заседателями Калмыцкого правления есаулом Поповым и сотником Валовым¹, в августе 1859 г. подготовил подробные сводные данные о местонахождении, территории, населении улусов, сотен.

По данным переписи 1859 г., на Дону проживала 5 701 калмыцкая семья с общей численностью населения 21 250 человек (мужчин — 10 503, женщин — 10 747). За 13 лет (1846–1859 гг.) за счет образования молодых семей количество дворов увеличилось на 1 103, а население всего лишь на 542 человека [Максимов 2016: 246]. Низкий за эти годы прирост калмыцкого населения Н. А. Маслаковец объяснял несовершенством сбора статистических сведений. Помимо этого, основную причину он видел в малом количестве заключаемых браков среди калмыков и в низкой рождаемости [Маслаковец 1874: 43]. По этим показателям калмыки отставали от остального донского населения в 1,5 раза. Среди калмыков значительное количество было безбрачного мужского населения, т. е. 178 служителей духовенства (бакша — 1, гелюнггов — 54, гецулей — 61, манджиков — 60). На 19 мужчин-калмыков приходилось 1 духовное лицо, а среди всего донского населения одно духовное лицо — на 154 мужчин [Максимов 2016: 246].

В 5 калмыцких сотнях (Бурульской, Бембедикина, Рынцева 2 хурула, Булгуновской, Намровской) имелись крупные хурулы в добротных деревянных зданиях, в 8 сотнях — хурульные кибитки, в которых службу проводили 154 штатных священнослужителя, за штатом находились еще 24 человека [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2558. Л. 18об.–19]. Главой буддийского духовенства донских калмыков в это время еще служил престарелый Джамбо Ганджинов.

Общества пяти сотен (1 и 2-я сотни Среднего улуса, 2-я сотня Нижнего улуса, 3 и 4-я сотни Верхнего улуса) в начале 1862 г. приняли решения построить

¹ Имя и отчество неизвестны.

деревянные здания для своих хурулов, которые нашли поддержку у Калмыцкого правления и Войскового правления Войска Донского. По предложению Экспедиции Войскового донского хозяйства Войсковое правление решением от 3 сентября 1862 г. выделило на строительство пяти хурулов 3 950 руб. серебром (сотням Среднего улуса 800 и 500 руб., сотням Верхнего улуса 800 и 850 руб., 2-й сотне Нижнего улуса 1 000 руб.) с условием возврата этих сумм с доходов сотен указанных улусов [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 3344. Л. 10–20; 21].

В это время капитала калмыцких сотен в Казначействе Войска Донского числилось 821 руб. 27,5 коп. и 81 558 руб. в Госбанке. Стоимость строительства хурула в 1-й сотне Среднего улуса составила 2 300 руб., из них сотенным обществом было собрано 1 800 руб. Общество 4-й сотни на строительство своего хурула дополнительно собрало 252 руб. и 3-й сотни Верхнего улуса — 190 руб., а общество 2-й сотни Нижнего улуса внесло на строительство своего хурула 2 500 руб. [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 3344. Л. 10–12, 21–21об.].

В период подготовки реформы на Дону в начале 1860-х гг. в 26 хурулах (12 стационарных в деревянных зданиях, 14 — в кибитках) несли службу 157 духовных лиц. Главным бакшой донских калмыков по-прежнему служил Джембо Ганджинов, но в связи с преклонным возрастом в 1867 г. он решил сложить с себя этот высший сан духовного лица. Войсковой наказный атаман Войска Донского генерал-адъютант Александр Львович Потапов 11 декабря 1867 г. направил рапорт военному министру [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 33–35]. В нем он докладывал, что «бакша донских калмыков Джембя Ганджинов, утвержденный в этом звании бывшим наказным атаманом Войска Донского, соизволения высочайшего повеления, объявившего генералу от кавалерии М. Г. Власову, бывшим военным министром генерал-адъютантом А. И. Чернышевым в предписании от 2 декабря 1843 г. за № 1817, достигшим ныне преклонной старости, и лишившийся собственного храма, обратился ко мне с просьбой об увольнении его от этого звания» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 33–33об.].

А. Л. Потапов писал по этому поводу: «Признав целесообразным оставление бакши Ганджинова в этом звании на некоторое время, так использовать может быть весьма полезно при исполнении службы на виду преобразованиях в калмыцком народе, для проведения его оставив на службе, обещав задействовавших закрепление на назначение ему помощника. Вследствие этого я поручил Судье Калмыцкого правления войсковому старшине Тарарину, по согласованию с бакшой Ганджиновым, представить избранных им кандидатов в помощники» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 34]. В свою очередь войсковой старшина Тарарин свидетельствовал о действительной необходимости в назначении бакше донских калмыков на случай его болезни или смерти помощника. Это мнение было поддержано калмыцкими сотенными обществами, и были выдвинуты в помощники два кандидата — Балдан Шарапов, гелюнг хурула 4-й сотни Нижнего улуса, и Прин Цеденов, гелюнг хурула 2-й сотни Среднего улуса. Последнего Тарарин находил «более достойным кандидатом на должность помощника бакши» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 34об.].

Далее атаман обращался с просьбой, несмотря на то, что должность помощника бакши не предусмотрена, в виду сложившихся обстоятельств все же разрешить (как временную меру) назначить помощника бакше донских калмыков [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 35об.].

Главное управление иррегулярных войск военного министерства 5 февраля 1868 г. письменно сообщило наказному атаману Войска Донского о том, что его предложение о помощнике бакши получило положительное разрешение. В письме начальника Главного управления отмечалось, что военный министр разрешил штатного гелюнга Среднего улуса 2-й сотни Прина Цеденова назначить на должность помощника бакши донских калмыков в виде временной меры, вызванной необходимостью, не учреждая этой должности законодательным порядком [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 40–40об.]. Сообщение Главного управления иррегулярных войск было рассмотрено, 27 февраля 1868 г. на заседании Войскового правления принято решение об исполнении разрешения военного министра [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 41–41об.]. В тот же день наказный атаман Войска Донского А. Л. Потапов подписал данное решение Войскового правления [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 804. Л. 42].

Таким образом, в феврале 1868 г. бакше донских калмыков Джембе Ганджинову наказным атаманом Войска Донского был назначен помощник гелюнг Прин Цеденов. При рассмотрении кандидатов на эту должность предлагались самим бакшой и сотенными обществами разные кандидатуры. Это, видимо, было связано с тем, что помощника бакши в обществе рассматривали как преемника Джембе Ганджинова. Действительно, по старости он через год — в феврале 1869 г. скончался. А. Борманджинов, посвятивший небольшую работу ламам донских калмыков, предполагал (без указания числа и месяца), что бакша донских калмыков Джембя Ганджинов умер в 1869 г. [Борманджинов 1997: 12]. Архивные материалы подтверждают эту дату. Д. Ганджинов являлся одним из служивших наиболее длительное время в этой должности — почти 27 лет (июнь 1842 – февраль 1869 г.). Его преемником в том же 1869 г. стал Коти Баджутинов, служивший с ноября 1853 г. гелюнгом хурула 1-й сотни Верхнего улуса (Грабевская станица) [ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 792. Л. 7–8].

В связи с предстоящей реформой в Калмыцком кочевье в соответствии с Положением от 21 апреля 1869 г. о поземельном устройстве в казачьих станицах Военное министерство и Государственный совет 13 апреля 1872 г. поручили атаману Войска Донского представить предложения военному министру. Войсковой наказный атаман М. И. Чертков направил лишь 2 декабря 1872 г. военному министру проект «Правил об управлении калмыками Войска Донского» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 21, 47–48, 52, 60об.]. В объяснительной записке отмечалось, что «при разработке этого вопроса как со стороны экономической, так и административной, за основное начало принято мною распространение на донских калмыков общих законоположений об управлении казачьим населением области, с теми лишь незначительными изъятиями, которые вызываются особенностями кочевого быта и религиозного культа калмыков. В первом пункте проекта указывалось, что калмыцкое население Войска Донского, составляя станичные общества, пользуется в военном и гражданском отношении всеми правами и преимуществами, предоставленными Донскому войску, и управляется одинаковыми с ним законоположениями. Во втором пункте подчеркивалось, что лица духовного звания ламайского исповедания не принимают участия в станичном сходе и не могут быть избранными в общественные должности» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 21, 47–48, 52, 60об.].

Однако рассмотрение и обсуждение проекта, переписка по нему между Главным управлением иррегулярных войск Министерства военного и админи-

страцией наказного атамана Войска Донского затянулись на несколько лет. Особые разногласия и уточнения вызвали вопросы формирования сети окружного управления, судебных органов, земских учреждений, использования избытков земельных дольностей у калмыков. Немалое внимание было уделено определению места и роли духовенства в калмыцком обществе. В связи с административно-территориальной реформой предлагалось сократить количество хурулов до 7, ограничив количеством станиц, и численность священнослужителей в них — до 91 [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 225].

В разгар дискуссий по проекту в октябре 1872 г. умер бакша калмыцкого народа на Дону Коти Баджуинов, седьмой буддийский иерарх этого высокого духовного сана. Судья Калмыцкого правления полковник Н. И. Машлыкин 19 октября 1872 г. доложил наказному атаману Войска Донского М. И. Черткову о том, что 13 октября сего года умер от болезни бакша донских калмыков Куте (правильно Коти. — К. М.) Баджуинов. При этом он сообщал, что первый кандидат в бакши гелюнг 4-й сотни Нижнего улуса Балдан Шарапов умер в 1871 г., а вторым кандидатом состоит гелюнг 2-й сотни Среднего улуса Прин Цеденов [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 84–85].

Войсковой наказный атаман М. И. Чертков 2 декабря 1872 г. направил рапорт военному министру, в котором сообщал, что бакша донских калмыков Куте (Коти) Баджуинов умер [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 77–77об.].

По положениям 1843 и 1857 гг. трое кандидатов, избранных калмыцкими сотенными обществами из состава гелюнгов, должны были быть представлены наказному войсковому атаману на утверждение одного из них, получившего наибольшее количество голосов, в должности бакши. Между тем в представленном в проекте об устройстве донских калмыков предполагалось должность бакши упразднить, поскольку бакша, по мнению представлявшего проект, никакой роли не выполняет ни в религиозных, ни в административных делах, к тому же не знает русского языка [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 78, 79об., 80об.]. Поэтому М. И. Чертков предлагал до введения реформы должность бакши оставить вакантной и в каждом хуруле назначить старшего гелюнга [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 77–91].

Следует заметить, что войсковой наказный атаман не только утверждал, но и имел право сместить, наказать калмыцкого бакшу, главу калмыцкого духовенства. В связи с обсуждением проекта реформы вопрос о выборах бакши длительное время не решался ни атаманом Войска Донского, ни Главным управлением иррегулярных войск. В августе 1873 г. Судья Калмыцкого правления Н. И. Машлыкин, доложив о беспокойстве в калмыцком обществе в связи с отсутствием бакши, вынужден был просить наказного атамана утвердить, хотя бы временно, в должности бакши донских калмыков старшего гелюнга 4-й сотни Нижнего улуса Аркада Чубанова, пользующегося большим авторитетом у духовенства и населения, владеющего русским языком, заведующим калмыцким духовенством [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 102].

По всей вероятности, полковник Н. И. Машлыкин, получив устное поручение наказного атамана, 18 сентября 1873 г. представил областному правлению предложение сделать соответствующее распоряжение, согласно указанию наказного атамана, возложить на штатного гелюнга 4-й сотни Нижнего улуса Аркада Чубанова обязанности бакши впредь до особого распоряжения. Но эта

проблема разрешилась лишь со вступлением на должность Войскового наказного атамана Войска Донского генерал-адъютанта Николая Александровича Краснокутского. Наказный атаман Н. А. Краснокутский 29 октября уведомил областное правление и 31 октября 1874 г. Калмыцкое правление о назначении им на должность бакши донских калмыков гелюнга 4-й сотни (Намровской) Нижнего улуса Аркада Чубанова [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 102, 103, 104].

Следует заметить, что А. Борманджинов, говоря о времени смерти бакши Коти Баджугинова, кандидатах на должность бакши, назначении Аркада Чубанова бакшой донских калмыков, допустил неточности в датах, фамилиях. Он писал, что «лама Коти Баджугинов умер, вероятно, ранним летом 1872 г. Как мы уже знаем, он прожил не дольше лета того года» [Борманджинов 1997: 13]. И далее: «Тем не менее, известно, что где-то в 1873 г. у донских калмыков появился новый лама. Его звали Аркад Чубанов, родом он был из Намровской сотни... Он был избран где-то осенью или зимой 1872 года, или в начале 1873 года, но официально был утвержден в 1873 г.» [Борманджинов 1997: 13, 16–17]. Как видим, все это противоречит архивным документальным источникам, созданным в результате деятельности официальных учреждений и должностных лиц Войска Донского и Калмыцкого правления, именно при фиксации событий и фактов по данному вопросу.

5. Предложения наказного атамана Н. А. Краснокутского по реформе службы буддийского духовенства

После вступления в должность Войскового наказного атамана Войска Донского генерал-адъютанта Н. А. Краснокутского Главное управление иррегулярных войск Министерства военного 4 сентября 1874 г. направило ему проекты: Правил об управлении калмыцкого населения области Войска Донского и Положения об образовании области Войска Донского Сальского гражданского округа [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 107]. Главное управление, внеся несколько замечаний и предложений в указанные проекты, предложило Н. А. Краснокутскому рассмотреть представленные проекты его предшественником, высказать свое мнение и внести предложения.

Н. А. Краснокутский 31 октября 1874 г. представил Главному управлению иррегулярных войск варианты проектов с принципиальными поправками [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 119–131]. В целом одобрив реформу по земельному довольствию, он обратил внимание на совершенствование обучения манджиков в хурулах. Он предложил организовать при каждом станичном хуруле духовное училище для мальчиков, включив в программу обучения русский и калмыцкий языки, арифметику, краткие основы географии и русской истории. При этом он отмечал, что это необходимо не только для подготовки манджиков, но и «для приобщения калмыков к определению детей в училища».

Следующим важным вопросом он считал сохранение должности бакши донских калмыков, но выборы заменить назначением его наказным атаманом [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 127–128об.]. Он писал: «...назначение на должность бакши следовало бы предоставить личному рассмотрению Войскового Наказного Атамана. После чего, завися только от одной администрации, бакша в качестве начальника Ламайского духовенства и заведующего духовною калмыцкою школою, мог бы принести весьма существенную в деле будущего

морального преуспевания калмыцкого населения. В этом последнем смысле удержание в будущее время должности бакши я считаю положительно полезным» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 127–127об.].

Помимо этого, он предложил в каждой станице иметь один хурул со штатом 4 гелюнга, 4 гецуля и 4 манджика [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 127об.–128]. Н. А. Краснокутским был добавлен 15-й пункт, гласящий: «Главное управление духовными делами хурулов и Ламайского духовенства в Донских калмыцких станицах возлагается на бакшу донских калмыков, назначаемому из числа штатных гелюнгов властью Войскового Наказного Атамана» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 128–128об.].

Так что донские калмыки сохранению у них высшего иерарха духовенства — бакши — должны были быть благодарны судье Калмыцкого правления, полковнику Н. И. Машлыкину и наказному атаману Войска Донского Н. А. Краснокутскому. Эти чувства калмыцкого населения Дона, по всей вероятности, были выражены в нижеприводимом письме бакши Аркада Чубанова атаману казачьего Дона.

В мае 1875 г. область Войска Донского посетил великий князь Николай Николаевич старший с целью осмотра в Задонской степи частных конных заводов, в том числе и табуны Калмыцкого округа. 11 мая он посвятил осмотру калмыцких табунов в местности балки Мокрая Каранчевая и Казенного моста через Маныч (в районе территории 4-й сотни Нижнего улуса) [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1671. Л. 35–35об.]. Судя по содержанию нижеприводимого текста письма бакши донских калмыков Аркада Чубанова от 31 мая 1875 г. на имя Войскового наказного атамана Н. А. Краснокутского, осмотр калмыцких табунов произвел хорошее впечатление на великого князя Николая Николаевича.

«Ваше Превосходительство, Благодетельный Бачка,
Николай Александрович!

Мы, калмыцкое духовенство и черный народ, по милости Бога, здравствуем, чего и Вам и семейству Вашего Превосходительства вместе с преуспеянием в Ваших добрых делах желаю. Калмыки и духовенство наше глубоко благодарят Ваше Превосходительство, что осчастливили представлением нас и наших табунов Его Императорскому Высочеству Государю Великому князю Николаю Николаевичу старшему и рекомендовали перед Его Высочеством с самой хорошей стороны, чего мы всегда усердно желаем оправдать. Посылаемых при сем двух зверьков почтительнейше прошу Ваше Превосходительство передать Вашей маленькой барышне.

От всей души глубоко желаю Вам и семейству Вашего Превосходительства столетней жизни.

Затем остаюсь и имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугой Бакша донских калмыков Аркад Чубанов. 31 мая 1875 года» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1671. Л. 47–47об.].

Помета наказного атамана на письме: «Ответить, что имеет благотворное желание Бакше и всему калмыцкому народу процветания и развития» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1671. Л. 47].

Здесь следует, конечно, сказать о неблагоприятной роли Войскового наказного атамана М. И. Черткова в попытке упразднить должность главного духовного лица буддистов донских калмыков, которая существовала в калмыцком народе

по сложившейся вековой традиции. Упразднение высшего иерарха религии донских калмыков привело бы к разрушению местной системы буддийской службы, следовательно, и к утрате ее значения не только как хранителя религиозно-культурных традиций, но и продолжателя заложенных древних традиций.

Не совсем понятно, какую цель он преследовал и чем руководствовался. Может быть, были правы его современники, неизвестные критики деятельности М. И. Черткова на посту атамана донского казачества. Анонимные авторы писали: «... Перед лицом лучшей части нашей публики мы будем правы, потому что мы ненавидим всю силою нашего сердца тот сатрапский произвол, который царствовал по всем частям Вашего управления. Вы в сущности не злой человек, но Ваши дела, Ваши поступки злого человека... Вы это сделали по своей обычной тупой несообразительности...» [Волвенко 2018: 168–169]. Видимо, следует согласиться с характеристикой, по достоинству оценившей административную деятельность атамана донского казачества М. И. Черткова авторами, его современниками, обладавшими наблюдательностью и аналитическими способностями.

В 1875 г. в 16 хурулах калмыцких улусов службу несли 156 штатных духовных лиц. В связи с введением в 1875–1876 гг. в Донском войске нового порядка отбывания воинской повинности, согласно «Положению о военной службе казаков Донского войска» и «Уставу о военной повинности казаков Донского войска», донские калмыки были подчинены действию Устава о воинской повинности. В этом Уставе имелось указание об освобождении от отбывания воинской повинности духовных лиц лишь христианского исповедания. Хотя в нем о духовных лицах буддийского вероисповедания ничего не оговаривалось, донское войсковое начальство, руководствуясь законоположением от 28 июля 1849 г., продолжало по-прежнему не привлекать к наряду на службу штатный состав калмыцкого духовенства. В последующем отсутствие в Уставе указания об освобождении калмыцких духовных лиц от воинской службы вызвало разногласия в этом вопросе [Война и население 2019: 108]. Разрешение этого вопроса в законодательном порядке затянулось весьма на длительный срок.

Подготовленный Военным советом [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 199об.–211, 212–213] проект Положения о поземельном устройстве донских калмыков был высочайше утвержден императором Александром II 23 мая 1876 г. [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232–232об.]. Наказному атаману Войска Донского поручалось: «а) приступить к переводу калмыцкого населения на новые места по мере обмежевания назначаемых для него новых станичных юртов; б) вместе с избранием пунктов для местопребывания станичных правлений ныне же указать места для устройства при оных хурулов; в) войти в Военное министерство с особым представлением о мерах к устройству в калмыцких станицах начальных школ и к развитию между калмыками начального образования» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232–232об.].

6. Принятие положений об административном устройстве и о буддийском духовенстве

В ходе реализации данного указа Военный совет подготовил и внес в начале июля 1877 г. на утверждение императора положения «Об административных изменениях Калмыцкого округа и о развитии среди калмыков начального образо-

вания» и «Об устройстве калмыцкого населения на Дону». Последнее Положение состояло из двух разделов: «Об общественном управлении» и «О хурулах и ламайском духовенстве» [ГА РО. Ф.46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.–233].

В первом разделе первый пункт гласил: «Калмыцкое население области Войска Донского подчиняется высочайше утвержденному 13 мая 1870 г. положению об общественном управлении в казачьих войсках, с дополнениями и изменениями, указанными в настоящем положении» [ГА РО. Ф.46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.]. Вводилось требование обязательного знания русского языка должностными лицами станичного уровня, за исключением станичных судей. Впервые в законодательном порядке регулировался вопрос о правовом статусе калмыков, принимающих православную веру. «Калмыки, принимающие святое крещение поодиночно или целыми семействами, могут, по собственному желанию, или перечисляться в общества многоземельных казачьих станиц, без приемных приговоров от этих обществ, или оставаться в своих станицах с сохранением всех прав и преимуществ, донским калмыкам, присвоенных» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.–233].

Второй раздел регламентировал порядок управления духовенством, количество хурулов и их штаты, участие священнослужителей в общественных делах. Вопреки предложению М. И. Черткова, новому наказному атаману Н. А. Краснокутскому удалось сохранить должность бакши донских калмыков, но с изменением порядка назначения. Этот раздел открывался записью: «Управление духовными делами ламайского духовенства в донских калмыцких станицах возлагается на бакшу донских калмыков, назначаемого войсковым наказным атаманом из числа штатных гелюнггов, по представлению судьи Калмыцкого правления» [ГА РО. Ф.46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.]. Принцип выборности станичными обществами отменялся, в соответствии с положением 1843 г. предусматривался институт выборщиков.

На станицу полагался 1 хурул во главе с бакши-гелюнгом, избираемым станичным обществом, со штатом 4 гелюнггов, 4 гецулей и 4 манджиков, знавших русскую грамоту. Все служители хурулов, претендующие на должности рекомендовались бакшой и по представлению судьи Калмыцкого правления утверждались Войсковым наказным атаманом. Духовные лица, состоявшие в штате духовенства, освобождались от всех натуральных повинностей, службы в строевых частях, в соответствии с возрастом причислялись в разряд служилого состава войска, наделялись правом участия в пользовании станичными довольствиями наравне со всеми гражданами станичного общества. Но они не могли быть избранными в общественные станичные управления [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1065. Л. 232об.–233].

Положение об избрании на альтернативной основе представителя от буддийского духовенства в Калмыцкое правление в качестве депутата по-прежнему сохранялось. В том же году (1877 г.) в связи с истечением сроков полномочий были проведены очередные выборы депутатов Калмыцкого правления, сотенных сотников и их помощников, хотонных приказных. На альтернативной основе тайным голосованием выборщиков были избраны депутатами в Калмыцкое правление от духовенства гелюнг 4-й сотни Верхнего улуса Пурве Неминов, от граждан — урядник Ильзете Учуров, бывший сотник 4-й сотни Верхнего улуса [Максимов 2016: 254].

Так совпало, что с завершением образования Сальского округа в мае 1887 г.

в войско Донское с визитом прибыл император Александр III с императрицей Марией Федоровной, наследником Цесаревичем и великими князьями Николаем и Георгием Александровичами. На следующий день, 6 мая, на войсковом круге император огласил текст пожалованной войску Донскому грамоты, вручил наследнику Цесаревичу пернач¹, знак достоинства атамана всех казачьих войск. В этот день и 7 мая император посетил учебные заведения Новочеркаска, произвел смотр казачьим частям, в которых были представлены и калмыки-казаки. После парада император Александр III посетил полевой калмыцкий хурул. Бакша донских калмыков Аркад Чубанов со своими священниками в часть императора и высоких гостей исправил буддийскую ритуальную службу. Бакша Аркад Чубанов был удостоен Александром III золотой медали для ношения на шее на орденской ленте Святой Анны [Краснов 2007: 399–401; Борманджинов 1997: 19].

В калмыцких станицах Сальского округа в это время функционировали 16 хурулов (10 в деревянных и 6 в кирпичных зданиях) [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 167. Л. 42], в которых служили 137 человек духовного звания. В начальный период образования Сальского округа буддийское духовенство возглавлял еще бакша донских калмыков Аркад Чубанов. После его кончины Войсковой наказный атаман, генерал от кавалерии Н. И. Святополк-Мирский назначил в мае 1894 г. бакшой донских калмыков Джимба Микулинову, настоятеля хурула Платовской станицы. Он в этой должности прослужил менее трех лет. С мая 1897 г. исполняющим обязанности бакши донских калмыков являлся Бока Кулишов, гелюнг хурула Ики-Бурульского аймака Платовской станицы. В Великокняжеской станице православные имели свою церковь, в Атаманской и Денисовской станицах — по собору. В 1899 г. в Платовской станице была построена православная церковь. В них церковную службу несли 39 священнослужителей [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3167. Л. 42; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3222. Л. 2]. В Сальском округе православные имели 6 церквей и 2 собора, в которых службу несли 45 священнослужителей. По вероисповеданию калмыки-казаки, коренные жители 7 калмыцких станиц Сальского округа, являлись ламаистами (буддистами), за исключением 1 200 калмыков, принявших православную веру и проживавших в других станицах области Войска Донского [Максимов 2016: 302; ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 514. Л. 5–6, 185, 208, 209, 224].

В начале 1890-х гг. в 13 хурулах семи калмыцких станиц духовной службой были заняты 139 священнослужителей. Однако в 1900 г. вновь возник вопрос о военной службе калмыцких духовных лиц, а причиной явилось разъяснение Главного управления казачьих войск о том, что донские калмыки, согласно 413-й статье Устава о воинской повинности казачьих войск, всецело подчинены действию этого Устава, освобождающего (ст. 466) от службы лиц священнослужителей христианского вероисповедания. Поскольку в нем калмыцкое духовенство не упоминается, то духовные лица «далай-ламайского» (т. е. буддийского) исповедания не подлежат освобождению от несения воинской повинности. Во исполнение этого разъяснения Донское войсковое начальство издало распоряжение о привлечении, начиная с 1901 г., калмыцких духовных лиц призывного возраста к наряду на службу. При этом отмечалось, что духовные должности в калмыцком населении Донской области могут быть впредь замещаемы лишь

¹ Пернач — холодное оружие ударно-дробящего действия, серебряная или позолоченная булава, иногда украшенная конским хвостом и перьями на шаре.

лицами, отбывшими воинскую повинность или такими, которые по медицинскому освидетельствованию окажутся к военной службе неспособными. Начальник Главного управления казачьих войск П. О. Щербов-Нефедович в записке министру внутренних дел отмечал, что это распоряжение донского начальства произвело весьма тягостное впечатление на калмыцкое население Донской области, и все семь калмыцких станиц области особыми приговорами станичных сборов постановили ходатайствовать перед войсковым начальством оставить тот порядок, освобождавший калмыцких духовных лиц от военной службы, который существовал с 1849 г. до 1901 г. Это ходатайство калмыцкого населения Донской области Войсковым наказным атаманом К. К. Максимовичем было представлено в Военное министерство с объяснением, что число духовных лиц из калмыков, могущих ежегодно подлежать освобождению от призыва, весьма незначительно. Военный совет, отметив, что высочайшим повелением, вошедшим в ст. 500 II тома 2-ой части Свода законов Российской империи, обеспечена калмыцкому народу свобода вероисповедания и ненарушаемость его веры и обычаев, а высочайше утвержденным 28-го июля 1849 г. положением Военного совета определен штат духовных лиц калмыцкого духовенства (156 человек), освобожденных от действительной военной службы. На этом основании Военный совет признал безусловно необходимым освободить калмыцкое духовенство от личного отбывания воинской повинности. Однако, учитывая, что в Уставе о воинской повинности казачьих войск по этому вопросу не было никаких указаний, Военный совет признал настоящее дело подлежащим рассмотрению в Государственном совете. В связи с этим Военный совет внес «на уважение Государственного совета» представление об освобождении калмыцкого духовенства от личного отбывания воинской повинности, по предварительному сношению с министром внутренних дел. До рассмотрения этого дела в Государственном совете калмыцкое духовенство было решено от личного отбывания воинской повинности освободить; о чем представить Главному управлению казачьих войск сделать надлежащее распоряжение. В итоге предложение Военного совета в Государственном совете 4-го июля 1903 г. было рассмотрено и с высочайшего соизволения утверждено [*Война и население 2019: 108–111*].

7. Донское буддийское духовенство в начале XX в.

В начале XX в. в 12 калмыцких станицах действовали 17 хурулов (14 в деревянных зданиях и 3 в кирпичных), в которых службу несли 149 духовных лиц во главе с ламой донских калмыков Монке Борманжиновым, избранным в соответствии с действующим положением 1843 г. выборщиками фактически без альтернативы. Основные претенденты не приняли участие в процессе выборов: Джимбя Микулинов (бакша донских калмыков в 1894–1896 гг.) снял свою кандидатуру, а Дамбо-Даши Ульянов (старший гелюнг хурула Эркетинской станицы) не решился участвовать в выборах, поскольку, по всей вероятности, длительное время отсутствовал на Дону, к тому же готовился к отбытию в Тибет на поклонение Далай-ламе (в составе специальной экспедиции).

Монке Борманжинов был утвержден, согласно новому положению 1877 г., наказным атаманом Войска Донского К. К. Максимовичем, на эту должность в начале 1903 г. (выборы в калмыцких станицах, как правило, состоялись в начале года). 48-летний М. Борманжинов с 1883 г. до назначения ламой донских

калмыков служил бакшой Богшракинского хурула (2-я сотня Нижнего улуса, затем с 1877 г. Денисовская станица) [Борманджинов 1997: 23–24].

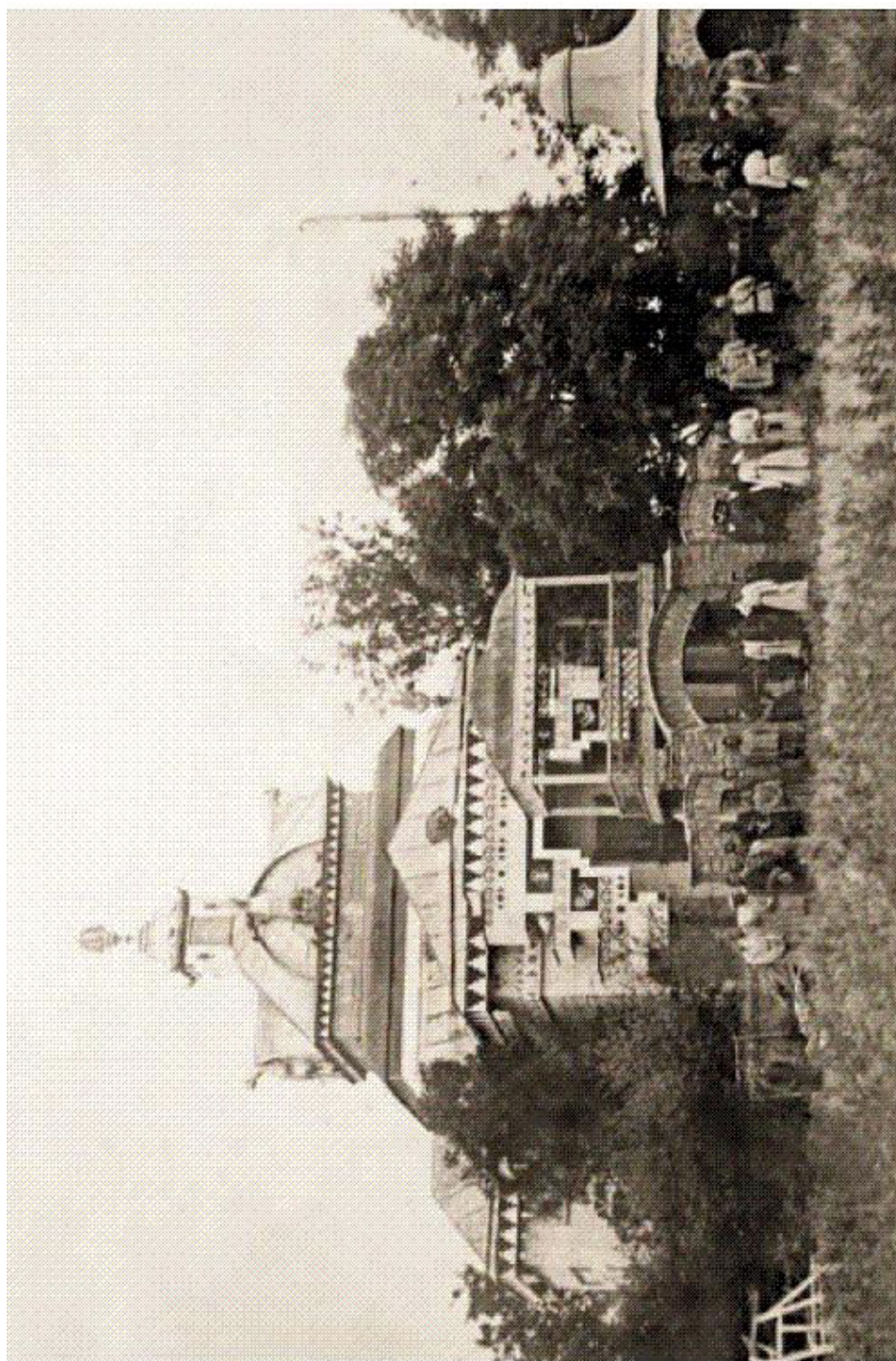
В 1903 г. бакшой Денисовского хурула (см. фото 1), вместо М. Борманжинова, был избран 28-летний Лубсан Шараб Тепкин, который прослужил в этой должности до выезда в Тибет в 1911 г. для продолжения учебы. Вернулся он в Россию в 1922 г. в качестве официального представителя Далай-ламы XIII, и в 1925 г. на второй конференции буддийского духовенства и верующих мирян Калмыкии был избран шаджин-ламой калмыцкого народа.

В калмыцких станицах также службу вели 4 православные церкви (в Денисовской, Платовской и две Ново-Алексеевской станицах). Денисовская станица в эти годы выделялась из остальных калмыцких станиц своим благоустройством и наличием учебных заведений, деревянных и каменных домов. В станице работали 6 хуторских школ, в том числе одно женское. В открытии учебных заведений и развитии образования в станице велика заслуга была бакши М. Борманжинова [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 638. Л. 229–230, 243–246, 322, 360; ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3534. Л. 3об., 6об.; Донские епархиальные 1911: 1005–1007].

В 1908 и 1910 гг. из Потаповской станицы выделились Эркетинская и Беляевская юртовые станицы, в 1910 г. из Граббевской станицы — Бурульская станица со своими хурулами. В Беляевском хуруле бакшой служил Иван Бультинович Китанов, Бурульском хуруле — Зольван Малунов. В Эркетинском хуторе в 1905 г. было построено каменное здание для хурула с комплексом построек. В штате хурула, кроме священнослужителей, числились эмчи (священнослужитель-врачеватель), зурхачи (астролог), зурачи (художник-иконописец). Старшим гелюнгом в нем служил высокообразованный Дамбо-Даши Ульянов, известный священнослужитель, внесший большой вклад в дело развития образования [Дронов 2017: 43, 44, 47]. В хуруле работал талантливый специалист по иконографии и чеканке Кириб Бадмаевич Бадаков. Им была изготовлена из серебра модель буддийского храма в восточном стиле, которая была подарена императору Николаю II представителями калмыков-казаков делегации области Войска Донского к 300-летию династии Дома Романовых (другие сведения о модели в статье: [Мучаева, Бакаева 2023: 27–37]; см. фото 2).

Император Николай II, учитывая роль и значение калмыцкого духовенства в мобилизации на защиту Отечества, в подъеме патриотического духа калмыков-казаков, 6 декабря 1915 г., по представлению Департамента духовных дел МВД, «всемилоостивейше соизволил пожаловать орден Св. Анны 2-й степени ламе донских калмыков Монке Борманжинову, и нагрудные медали с надписью „За усердие“: золотую на Аннинской ленте — штатному гелюнгу Власовского хурула, области Войска Донского, почетному блюстителю Власовского женского училища 3-го разряда Хоче Польшинову; серебряную на Станиславской ленте — хурульному бакше, штатному гелюнгу станичного хурула Беляевской станицы Ивану Китанову и штатному гелюнгу станичного хурула Денисовской станицы Ниме Каюкинову, в воздаяние отлично-усердной их службы» [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3912. Л. 4–4об.]. Эти награды Главный штаб МВД препроводил 18 апреля 1916 г. в Канцелярию войскового наказного атамана Войска Донского для вручения награжденным ламе донских калмыков и буддийским священникам указанных калмыцких станиц [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3912. Л. 1–4об.].

Следует отметить, что с участием калмыков-казаков в революционных событиях начала XX в. не только в составе донских казачьих военных частей, но

Хурул ст-цы Денисовской. 1919 год.

Фото 1. Хурул станицы Денисовской. 1919 г.
Photo 1. Khurul of Denisovskaya stanitsa. 1919

Фото 2. Делегация донских калмыков с дарами для императора. 1908 г.

Photo 2. Delegation of Don Kalmyks with gifts for the emperor. 1908

и со своими национальными полками принципиальные изменения произошли в штатных должностях калмыцкого духовенства. Несмотря на то, что никакими нормативными положениями не предусматривался и в донских казачьих полках отсутствовал институт полковых священников, с образованием в 1918 г. двух калмыцких конных полков учреждалась должность штатного полкового гелюнга, назначаемого ламой донских калмыков. Полковые гелюнги постоянно находились в полках при походах и боевых действиях. Первым полковым гелюнгом Зюнгарского калмыцкого конного полка лама Монке Борманжинов назначил Даву Кульдинова, служившего гелюнгом хурула Денисовской станицы, а гелюнгом 3-го Калмыцкого конного полка — Лиджу Кукушкина, священнослужителя хурула Чунусовской станицы.

П. Н. Краснов, учитывая роль и значение духовенства в борьбе с большевиками, при вступлении в мае 1918 г. в должность войскового атамана Дона обратился к архиепископу Донскому Митрофану. Атаман предлагал архиепископу «призвать благословение Господа сил на все труды наши. Созвать собор духовенства в месячный срок, и пригласить на него старообрядческих священников и буддийских гелюнгов, и выработать закон об устройстве быта духовенства и причта, и о безвозмездном исполнении богослужений и треб, и о благолепном служении в храмах независимо от усердия прихожан» [[Дон в годы революции 2020: 16](#)].

В самый активный период борьбы казачества, в том числе и калмыков-казачков, с большевиками, в мае 1919 г. в своей станице Денисовской, после возвращения из лагеря беженцев на Кубани, умер лама буддийского духовенства донских калмыков Монке Борманжинов. В сложное время войны без выборов, с общего согласия в должность ламы донских калмыков вступил Шургучи Нимгиров, хурульный бакша аймака Багуда (Батлаевская станица). Он был признан донскими властями, и в 1919 г. его официально посетил Донской атаман А. П. Богаевский в Денисовском хуруле. Это подтверждается помещенной в данном издании фотографией (см. фото 3).

Судьба ламы Шургучи Нимгирова оказалась трагической. Ему пришлось во время Гражданской войны эмигрировать и закончить жизненный путь на чужбине, в лагере беженцев в Турции. На одном из последних пароходов с гражданскими беженцами, ушедшем 25 марта 1920 г. из Новороссийска на остров Лемнос, находились несколько калмыцких семей, в том числе и Б. Н. Уланов с семьей, член Донского правительства; Аве Годинович Буринов (Боринов), гелюнг станицы Платовской; Б. Б. Сусинов, атаман станицы Беляевской, в Гражданскую войну в Донской армии; Шургучи Нимгирович Нимгиров, гелюнг хурула станицы Батлаевской и временно исполнявший должность ламы донских калмыков; и другие семьи. Что касается гелюнга А. Г. Буринова, по всей вероятности, он являлся священником 3-го Калмыцкого полка.

Говоря об эмиграции калмыцких беженцев из Турции, бывший военный прокурор белого движения полковник И. М. Калинин писал, что в Софии они жили большой общиной, кое-как приспособив под жилье старые товарные вагоны. Во главе их стоял «бакша» (религиозное имя Джамцо, в миру Абушинов Нарни Николаевич — гелюнг хурула станицы Батлаевской, провозглашен бакшой еще на острове Лемнос в 1921 г. (после смерти бакши Шургучи Нимгирова и Аве Годиновича Буринова) калмыцким эмигрантским сообществом. — *К. М.*), пер-

Фото 3. Атаман А. П. Богаевский в станице Денисовской
Photo 3. Ataman A.P. Bogaevsky in Denisovskaya stanitsa

восвященник, и «он благословил избранный народом путь к родным очагам». Сам бакша вернулся в Россию в начале 1930-х гг., но, к сожалению, в 1937 г. был арестован и тройкой НКВД приговорен к расстрелу [Калинин 2012: 236, 237, 238].

Кстати, Л. П. Решетников пишет, что в лагерях на острове находились три буддийских священника из 80-го Калмыцкого казачьего полка Всевеликого Войска Донского, «окормлявшие» калмыков-буддистов. Двое из них, бакша-лама Шургучи Нимгирович Нимгиров и Аве Гоудинович Буринов, а также Б. Б. Сусинов похоронены в 1920 г. на русском кладбище на мысе Пунда. Согласно же эпитафии, лама донских калмыков Шургучи Нимгиров умер на острове Лемнос в 1921 г. [Решетников 2012: 87–88; Зюнгартцы 2021: 454].

8. Донское буддийское духовенство в годы советской власти

В дни 1920 г., когда установилась советская власть в Сальском округе и вернулись многие калмыцкие беженцы в места своего проживания, в общественной жизни калмыцких станиц произошло важное событие. После эвакуации и смерти ламы донских калмыков Шургучи Нимгирова калмыцкое население оказалось без духовного лидера. В обстановке некоторой «лояльности» советской власти к буддийской вере, определявшейся в это время восточной политикой внешнего ведомства Советского государства, стало возможным решение проблемы о главе буддийского духовенства в калмыцких станицах на Дону. По общему согласию оставшихся буддийских священнослужителей и населения ламой старшим духовным наставником донских калмыков был провозглашен авторитетный и почитаемый среди верующих общественный деятель Иван Бультинович Китанов (Гаван Араш), бакша хурула Беляевской станицы. По всей вероятности, он так же, как и лама Монке Борманжинов, в 1918–1919 гг. являлся беженцем на Кубани. Иначе невозможно объяснить избежание им трагической участи гелюнгов из хурулов его Беляевской станицы в 1918 г. По имеющимся сведениям, в 1918 г. красноармейцами были расстреляны священнослужители хурулов этой станицы Санджи Мамутов, Дорджи Нарминов, Товэн Сесинов, Шараров и Замбо Цагадинов.

Лама донских калмыков Иван Китанов в 1923 г. принимал участие в совещании высшего духовенства Калмыцкой автономной области, а также в качестве делегата от донских буддийских священников — в первом съезде калмыцкого буддийского духовенства, состоявшемся в июле 1923 г. в Цанит-Чёря хуруле Манычского улуса Калмыцкой автономной области. Однако в связи с активизацией антирелигиозной политики советской власти, гонениями на религию, а также учитывая преклонный возраст, Иван Китанов в 1925 г. вынужден был сложить с себя высокий духовный сан ламы донских калмыков, и вскоре, в 1926 г., умер [Борманджинов 1997: 27; Зюнгартцы 2021: 459, 460, 461, 463; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 368. Л. 1–3; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 508 а. Л. 125; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 09. Л. 33–34].

И. Китанов перешел в миряне, по всей вероятности, не раньше октября-ноября 1925 г., поскольку в сентябре 1925 г. он еще принимал участие в 5-м духовном съезде калмыцкого народа в Калмыцкой автономной области в качестве ламы сальских калмыков (по протоколу съезда) с правом решающего голоса. На съезде он выступил и внес предложение открыть хурул для переселившихся сальских калмыков в Больше-Дербетовском улусе [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 77. Л. 57, 60об.].

Последним ламой (или старшим бакшой) донских калмыков, видимо, являлся Санжа (Анжук) Яматинич Куберлинов, 1896 года рождения, вернувшийся в июне 1922 г. из эмиграции. Он до эвакуации служил бакшой в хуруле Власовской станицы. В 1920 г. Санжа Куберлинов оказался в числе беженцев в Крыму, откуда попал в Турцию, затем на греческий остров Лемнос. Через небольшой срок вернулся в Константинополь, где полгода служил сторожем в русской общине. В феврале 1922 г. выехал в Болгарию и в Софии проработал разнорабочим до выезда (9 июня 1922 г.) в Россию в составе группы 68 человек (46 астраханских, 18 донских и 4 дербетовских калмыков) [НА РК. Ф. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 496. Л. 48–53].

То, что Санжа Куберлинов мог быть последним ламой сальских калмыков Дона, можно подтвердить следующим фактом. Он принимал участие от донских буддистов в качестве официального делегата на первом Всесоюзном соборе буддистов, состоявшемся 20–29 января 1927 г. в Москве, был избран в его рабочий президиум и выступал с докладом от Центрального духовного совета буддистов Сальского округа (см. фото 4). Все докладчики на соборе (от центральных духовных советов: Бурятии — лама Данжа Манкунжапов, Калмыкии — шаджин-лама Шараб Тепкин и Сальского округа — Санжа Куберлинов), сообщив о деятельности своих советов «в благоприятных условиях советской власти», особо подчеркивали роль новой власти «в начале проведения настоящих учений буддизма», значение Октябрьской революции «в предоставлении буддистам широкой свободы вероисповедания» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 244. Л. 12, 26, 37, 47; НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10. Д. 496. Л. 52об.; Зюнгартцы 2021: 458]. Эти их слова, конечно, следует понимать как «ложь во спасение», как вынужденно произнесенные с целью сохранения свободы религии.

В преддверии нового наступления советской власти на религию калмыцкие буддисты провели свой последний съезд, который завершил так называемый этап «заигрывания» большевиков с верхушкой буддийского духовенства. 5 июля 1928 г. состоялся IV съезд буддийского духовенства и верующих мирян Калмыцкой автономной области, на котором присутствовали 104 делегата. В его работе приняли участие приглашенные представители: Тибета — хамбо-лама А. Доржиев; ЦДС Бурятии — хамбо-лама Д. Мункунжапов; Тувинской республики — глава дацангов Танну; донских буддистов — от духовенства гелюнг Данзан Хамуров и от верующих граждан — Улан Сарангов. Ставший, как оказалось впоследствии, последним съезд буддистов, завершая свою работу, выразил благодарность органам государственной и партийной власти СССР «за объективное отношение к буддийской религии, предоставление политической свободы» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 244. Л. 33; НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 301. Л. 26–47].

Но на этом фактически все закончилось. ЦК ВКП(б), проведя проверку состояния работы партийных органов по борьбе с буддийской религией на местах, где она проповедовалась, принял 26 мая 1929 г. постановление «О состоянии и работе Бурят-Монгольской парторганизации». В нем и в одновременно принятой резолюции Антирелигиозной комиссией ЦК ВКП(б) «О современном состоянии ламаизма в Бурят-Монголии и задачах дальнейшей борьбы» поручалось партийным организациям усилить борьбу с ламаизмом, поскольку он, как и всякая религия, является, как подчеркивалось в документах, религиозной идеологией, на почве которой сплываются антисоветские элементы [Кочетов 1973: 175].

*Фото 4. Делегаты I Всесоюзного духовного буддийского собора
(г. Москва, январь 1927 г.)*

*Photo 4. Delegates of the First All-Union Spiritual Buddhist Council
(Moscow, January 1927)*

С этого времени практически начались уничтожение храмов, церквей, хурулов, дацанов и гонения, репрессии против их священнослужителей. В этих условиях исчезли легальные формы религиозной деятельности священников, и на Дону вообще прекратил существование институт бакши-ламы донских калмыков-казаков, существовавший более двух веков. Однако народ в душе остался верующим, сберег свою религию, религиозные традиции и обычаи, давшие им силу и волю выстоять в последовавшие годы лихолетья — войны и нахождения на спецпоселении.

Поэтому неслучайно в годы Великой Отечественной войны произошел религиозный подъем среди населения СССР. В результате некоторого послабления антирелигиозной политики государства верующие стали проводить молебны о спасении родины, отчизны, о даровании победы над врагом. Один из таких фактов можно проиллюстрировать снимком верующих калмыков-казаков, пришедших летом 1942 г. на молебен к стенам полуразрушенного в ходе боевых действий главного здания хурула Денисовской станицы Калмыцкого района Ростовской области (см. фото 5).

9. Заключение

На протяжении исследуемого хронологического периода, начиная со второй половины XIX в., когда были осуществлены реформы административно-территориального управления Калмыцким кочевьем и введение его в административную систему управления области Войска Донского, буддийское духовенство калмыков-казаков осуществляло общественно-полезную деятельность, играя значимую роль в развитии образования и полном, окончательном переходе донских калмыков к оседлой жизни и хозяйствованию. Крупная реформа поземельного устройства в Калмыцком кочевье и службы буддийского духовенства с изменением статуса его главного иерарха произошла в 1870-х гг. Буддийское духовенство в годы войны, социальных потрясений вместе со своим народом испытало их последствия.

Источники

- Война и население 2019 — Война и население Юга России в XVIII – начале XXI в. Сборник документов и материалов. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2019. 656 с.
 ГА РО — Государственный архив Ростовской области.
 Дон в годы революции 2020 — Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. Сборник документов. В 2-х тт. Т. 2: май 1918 – март 1920. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. 624 с.
 Донские епархиальные 1911 — Донские епархиальные ведомости. № 36. 1911.
 НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

- Don Diocesan Gazette. № 36. 1911.
 Don in the years of revolution and civil war. 1917–1920. Collection of documents. In 2 vols. Vol. 2: May 1918 – March 1920. Rostov-on-Don: Altair, 2020. 624 p.
 National Archive of the Republic of Kalmykia
 State Archive of the Rostov region.
 The war and the population of Southern Russia in the 18th – early 21st century. Collection of documents and materials. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 2019. 656 p.

Фото 5. Калмыки, пришедшие на молебен к разрушенному хурулу Денисовской станицы. 1942 г.
Photo 5. Kalmyks who came to a prayer service at the destroyed khurul in the Denisovskaya stanitsa. 1942

Литература

- Борманджинов 1997 — *Борманджинов А.* Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков. Элиста: КИГПИ, 1997. 60 с.
- Волвенко 2018 — *Волвенко А. А.* Донское казачество поздней имперской эпохи. Земля. Служба. Власть. 2-я половина XIX – начало XX в. М.: Центрполиграф, 2018. 223 с.
- Дронов 2017 — *Дронов В. А.* Станица Эркетинская (1800–1944). Волгоград: [б. и.], 2017. 135 с.
- Зюнгартцы 2021 — *Зюнгартцы.* Поименный список 80-го Зюнгартского донского калмыцкого полка в составе Донской армии (1918–1922 гг.). Ростов н/Д.: [б. и.], 2021. 512 с.
- Калинин 2012 — *Калинин И. М.* В стране братьев. Краснодар: Традиция, 2012. 320 с.
- Кочетов 1973 — *Кочетов А. Н.* Ламаизм. М.: Наука, 1973. 199 с.
- Краснов 2007 — *Краснов П. Н.* История Войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М.: Вече, 2007. 448 с.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2016. 584 с.
- Максимов 2023 — *Максимов К. Н.* Духовенство калмыков-казаков Дона в XVIII – первой половине XIX в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 347–367.
- Маслаковец 1874 — *Маслаковец Н. А.* Физическое и статистическое описание окрестностей донских калмыков. Ч. 2. Статистическое описание. Новочеркасск: : Обл. Войска Донского тип., 1874. 95 с.
- Мучаева, Бакаева 2023 — *Мучаева И. И., Бакаева Э. П.* «Великому Белому Царю ... в знак бесконечной любви»: дары калмыков императорской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 24–51. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-28-24-51
- Решетников 2012 — *Решетников Л. П.* Русский Лемнос. Исторический очерк. 3-е изд., испр. и доп. М.: ФИВ, 2012. 136 с.

References

- Bormanshinov A. The Lamas of Kalmyks: Don Kamlyk Lamas. Elista: Kalmyk Institute for Humanities and Applied Research, 1997. 60 p. (In Russ.)
- Dronov V. A. Stanitsa Erketinskaya (1800 – 1944). Volgograd: [s.n.], 2017. 135 p. (In Russ.)
- Kalinin I. M. In the Country of Brothers. Krasnodar: Tradition, 2012. 320 p. (In Russ.)
- Kochetov A. N. Lamaism. M.: Nauka, 1973. 199 p. (In Russ.)
- Krasnov P. N. History of the Don Host: Glimpses of the Once Silent Don. Moscow: Veche, 2007. 448 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Clerics of Don Kalmyk Cossacks, 18th to Mid-19th Centuries. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; Vol. 15(3): Pp. 347–367. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-3-347-367
- Maksimov K. N. Kalmyks in the Don Cossack Host: 17th to mid-20th centuries. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the RAS, 2016. 584 p. (In Russ.)
- Maslakovets N. A. Don Kalmyk Nomads: Physical and Statistical Accounts. Novochechassk: Printing House of Don Host Oblast, 1874. 95 p. (In Russ.)
- Muchaeva I. I., Bakaeva E. P. “To the Great White Tsar ... as a Sign of Endless Love”: Gifts of the Kalmyks to the Imperial Family. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2023; 4: 24–51. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-24-51
- Reshetnikov L. P. Russian Lemnos. A historical sketch. 3rd ed., ed. and add. M.: FIV, 2012. 136 p. (In Russ.)
- The Zyungarians of 2021 are the Zyungarians. Roll of the 80th Zyungar Don Kalmyk regiment in the Don Army (1918–1922) Rostov-on-Don: [s.n.], 2021. 512 p. (In Russ.)
- Volvenko A. A. The Don Cossacks of the late Imperial era. Earth. The service. Power. 2nd half of the XIX – early XX century. Moscow: Tsentrpoligraf, 2018. 223 p. (In Russ.)